

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Идеал историка в журнальных дискуссиях первой трети XIX века

Замыслова Елизавета Евгеньевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия

E-mail: elyzavetazamyslova@yandex.ru

В первой трети XIX в., когда изучение прошлого в России стало приобретать отчетливый характер специализированной профессиональной деятельности, а на смену ученым-одиночкам XVIII в. (Миллер, Татищев и др.) пришло научное сообщество исследователей, возник запрос на академическое определение профессиональности историка и поиск возможных идеалов для подражания. Отечественная периодика оказалась удобной дискуссионной площадкой для обсуждения поставленных вопросов.

Главным требованием нового века стал критический подход к историческим источникам. Дискуссия о критическом анализе, занимавшая лучшие европейские научные умы еще с конца XVIII в., постепенно находила свое отражения в отечественной периодике. Так еще в 1804 г. на страницах петербургского «Северного вестника» (Ч. 2) читатель мог узнать, что историк должен «сам доходить до источников», собирать материалы «не как-нибудь, но с критическим разбором, пропустя сквозь чистилище Критики каждое сказанное слово, каждое Историческое известие, застарелое ли или новое, не полагаясь на *Авторитет* (курсив автора - Е.З.)». Позднее на том, что истинного ученого-историка «не собьешь софизмами и велеречьем, не убедишь криком и нескромным самохвальством: почитая истину повествования за главную обязанность в историке, он потребует отчета» настаивал, главным образом, родоначальник скептической школы М.Т. Каченовский (Вестник Европы. 1828. №13), посвятивший немало статей вопросу критического рассмотрения летописей.

Для «Московского вестника» история не была исключительно наукой, а рассматривалась, в духе шеллингианства, двойко, как «искусство и наука». Отсюда и деление историков, предложенное М.П. Погодиным, на «художников» (в пример приводились «Ливий, Макиавелли, Юм, Карамзин и проч.») и «систематиков» («Шлецер, Гердер, Аст, Геерен и проч.»). «Из первых» журнал любомудров собирался предлагать «образцы повествования»; «при вторых» показывать, «чем они способствовали к усовершенствованию истории как науки» (1827. №2).

Эталоны художественного исторического повествования отечественные авторы искали среди произведений французских и немецких романтиков. Так, например, А.З. Зиновьев в 1822 г. опубликовал в «Вестнике Европы» (№2) переводную статью (из французского «Journal de débats») «О Шиллере как историке», где, разбирая «Историю Тридцатилетней войны» (1791), отмечал, что ее автор был способен показать характер эпохи именно «как великий живописец». «Северный архив», в свою очередь, восхищался художественной манерой автора французской «Истории Герцогов Бургундских из дома Валоа» (1824-1826) Де Баранта (1826. №14).

Участники дискуссии, которым был ближе философский подход к изучению и изложению истории, не мыслили историка как «простого регистратора фактов». Например, Н.А. Полевой требовал, чтобы исследователь был «глубокомысленным философом», обладал энциклопедическими знаниями, чтобы «в истории своей изображать причины и следствия каждого события», то есть был систематиком (Московский телеграф. 1826. №12).

Идея философского рассмотрения прошлого была теснейшим образом связана с идеей всеобщей истории, активно разрабатывающейся в то время западной историографией. Для Погодина, как и для Полевого, главным гуру в этой области совершенно справедливо был А.Л. Шлецер, при том, что в периодике 1810-1830-х гг. фигура Шлецера традиционно рассматривалась (как, впрочем, и позднее) главным образом в связи с его «Нестором» - сочинением, в котором немецкий ученый рассмотрел российские летописи («Вестник Европы», 1825, №18 и др.) .

С конца 1820-х гг. в журналах все чаще стали появляться переводные сравнительные характеристики историков (Макиавелли, Монтеские, Лукреций, Плутарх, Гельвеций, Вольтер, Гутчесон - Кине. Э. Рассуждение об идее Всеобщей истории // Московский вестник. 1828. №14; Макиавелли, де Ту и Боссюэ - Юм (из лекции Вильмена) // Московский вестник. 1830. №14-16; Боссюэ, Вико и Гердер - «Discours sur l'histoire universelle» Боссюэ (1681), «Principi di una Scienza nuova d'intorno alia comune natura delle nazioni » Вико (1725) и « Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (1784—1791) Гердера // Московский телеграф. 1830. №1). Одна из ключевых задач таких публикаций - компоуя качества реальных историков разных эпох, создать и представить идеальный образ универсального историка.

В разработке идеала историка на страницах периодики отечественная интеллектуальная мысль вплоть до начала 1830-ых гг. активно опиралась на формулировки и выводы, сделанные западными историографами. Редкое исключение представляли собой, пока еще единичные, высказывания Каченовского (О белых лобках и кунных мордах // Вестник Европы. 1828, №13), Погодина (Исторические афоризмы // Московский вестник. 1827. №№2, 23) и Полевого (Благодарственная речь Д. Ч. Полевого // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. 1827. Ч. 3. Кн. 2). Даже «Телескоп» в 1832 г., описывая «общий характер историков новейшей Европы», по-прежнему ссылался на иностранного автора: в переводном рассуждении Генри Нила «История и историки» («Edinburgh review») справедливо резюмировалось, что в современных историках «меньше гения, но больше критики, меньше восторженной фантазии, но образ мыслей вернее; более учености, анализа, полноты».

Только к середине 1830-х гг. авторы отечественной периодики впервые начали самостоятельно формулировать общие требования к современному историку. Так, например, Полевой настаивал на том, что исследователь прошлого должен соединить в себе «обязанность изыскателя материалов, критика, прагматика, мыслителя»: «Полнота, Философия истории, кропотливость Археографии, множество приговорительных сведений - все это потребуют от вас, особливо ныне, когда принимают Историю в объеме высшем, и обширнейшем против прежних идей об истории» (Московский телеграф. 1833. №7). В своей статье 1834 г. (№12) «Содержание, форма и изложение истории», опубликованной в «Ученых записках Московского университета», И.И. Давыдов резюмировал «высокое искусство Истории, как изящного словесного произведения» «в представлении событий пред нашими глазами, в воссоздании целого народа из происшествий». В 1835 г. свой «Взгляд на направление истории» представил в «Московском наблюдателе» (№4) И.М. Ястребцов. Он полагал, что историк «должен теперь обдумывать, а не отыскивать факты. <...> Кто хочет собирать, а не сочинять ее (историю - Е.З.), тот ниже нынешнего века».